

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

• В Тихорецке прошел юбилейный творческий вечер Ольги Немыкиной, члена городского литературно-творческого объединения «Родник», члена литературного актива при краевой писательской организации, участника краевых семинаров начинающих литераторов Кубани, автора поэтических и прозаических сборников, лауреата краевых литературных конкурсов.

Поздравить Ольгу Владимировну в городском Доме культуры собрались литераторы, члены литературных объединений, не только со всей Кубани, но и Ростовской области. Сердечные слова поздравлений звучали от представителей администрации города, творческой интеллигенции и библиотекарей Тихорецка.

Поздравительный адрес вручила юбилярше председатель Краснодарского отделения Союза писателей России С. Н. Макарова, редактор журнала «Мозаика Юга» В. Н. Богза. От имени членов литобъединения «Родник» ее поздравил его руководитель, член Союза писателей России Г. Н. Ужегов.

На юбилейном вечере прозвучали песни на стихи Ольги Немыкиной, ее новые стихотворения.

ВНИМАНИЕ членам краснодарского регионального отделения Союза писателей России!

Правление краевого писательского Союза ведет работу по выпуску коллективного сборника, посвященного 65-летию нашей организации. Ваши материалы, подборки стихов, рассказы, очерки, публицистику присылайте до 1 мая на адрес редакции газеты «Кубанский писатель» или на электронный адрес: snpaka@yandex.ru. Просим также приложить творческую биографию и фотографию. Сборник будет издан на коммерческой основе.

СОБЫТИЕ

Золотой орден Международной Академии – кубанскому поэту

Золотым орденом Международной Академии культуры и искусства за высокие достижения в поэзии награжден Валерий Захарович Клебанов, член Союза писателей России. Вручение награды состоялось в Сочинском художественном музее.

В. З. Клебанов ответил на вопросы корреспондента «КП».

Корр.: Валерий Захарович, поздравляя Вас с высокой наградой, хотелось бы узнать, как все это произошло?

Клебанов: Так случилось, что в городе Сочи мое творчество оказалось весьма востребовано целым рядом деятелей культуры и искусства, руководителями музеев и библиотек, общественных организаций, управлением культуры городской администрации. Среди них (и прежде всего!) директор Художественного музея Петр Хрисанов, члены Союза ху-

дожников Елизавета Травинова, Сергей Артемьев, главный художник города Элина Баранская, председатель совета ветеранов Алексей Горбунов, зам. главы города по социальным вопросам Ирина Романец и многие другие.

Корр.: Более подробно об Академии и о том, как вас представили к награде.

Клебанов: Это Международная Академия культуры и искусства, президентом которой является художник и скульптор Петр Тимофеевич Стронский, участвовавший в свое время в росписи храма Христа Спасителя. Он лично прилетел в Сочи, чтобы вручить ордена и медали награжденным. Эта церемония была приурочена к открытию выставки, посвященной Женскому дню.

При Академии функционирует Комиссия по общественным наградам, основной целью которой является рассмотрение вопросов, связанных с общественным признанием и поощрением деятельности физических лиц, организаций и учреждений в самых разных областях науки, техники, литературы, искусства и т. п.

Представил к награждению меня и нескольких сочинских художников (Якова Яхнина, Сергея Артемьева, Юрия Прокофьева)

директор Художественного музея П. А. Хрисанов, являющийся действительным членом этой Академии. Награда называется «Золотой орден «Служение искусству».

Корр.: Как возникло у вас сотрудничество с Петром Хрисановым?

Клебанов: Дело в том, что почти полтора десятка лет тому назад, когда я подарил Петру Александровичу свой сборник, он буквально «заболел» моей поэзией и стал очень активным ее популяризатором и пропагандистом. Хрисанов провел в музее уже четыре моих творческих мероприятия, причем он и его ближайшие сотрудники сами все готовили и сами читали произведения.

За эти годы Петр Александрович «заразил» моими стихами большое количество людей, ибо не только сам знает и может прочесть наизусть добрую половину моих восьмистиший, но и дарит многим гостям мои книги.

Корр.: Среди ваших стихотворений встречаются и те, что явно посвящены художникам. Как вы это прокомментируете?

Клебанов: Меня судьба сводила и с академиком живописи, уроженцем наших мест Дмитрием Жилинским (ему посвящено стихотворение «Бумажный ангел,

примета детства»), и с талантливым сочинским скульптором Александром Тихомировым («О, запустенье этих стен»), и с великолепным мастером цвета Иваном Черным («Он в искусстве – вроде Стеньки»), и с некоторыми другими. Считаю, что живопись весьма родственна поэзии.

Корр.: А каково ваше участие в работе Сочинского художественного музея?

Клебанов: Петр Хрисанов приглашает меня на открытие художественных выставок, и я, естественно, приветствую «виновников торжества» стихотворными сличами.

В свое время, при торжественном открытии большой выставки Зураба Церетели, последний был очень тронут моим приветствием. Это стихотворение вместе с отчетом о выставке попало в несколько сочинских газет и журналов.

Меня уже давно считают большим другом художественного музея.

Корр.: Так что, Валерий Захарович, награждение вас Золотым орденом «Служение искусству» представляется весьма закономерным.

Клебанов: Ну как тут не вспомнить великого Пушкина: «Да здравствуют музы, да здравствует разум!»

Писатели Кавказа представлены в Москве

В Москве на 15-й Международной книжной выставке-ярмарке состоялась презентация книги повестей и рассказов писателей Северного Кавказа «Дорога домой», куда вошли повести кубанских литераторов Светланы Макаровой «Дождь в крупную клетку» и Станислава Филиппова «Память, память, не зови нас в детство». Книга стала четвертой в серии, организаторами которой являются Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ, возглавляемый С. А. Филатовым, и представительства Республик Северного Кавказа в Москве.

«Несколько лет назад это был перспективный рабочий план, который мы в нашем фонде условно называли «Северо-Кавказский проект», – рассказал Сергей Александрович. – Началом его воплощения можно считать двухдневное заседание «круглого стола» в Железноводске, проведенного в мае 2006-го совместно с журналом «Дружба народов», собравшим здесь своих авторов из горских республик.

Речь шла исключительно о литературе и месте писателя в современном обществе, однако все понимали, что за пределами разговора – многочисленные и болезненные проблемы, одолевающие регион после чеченской войны. Художественным словом не накормишь голодных, не отстроишь разрушенный дом, не построишь завод... Но только мысль и слово могут примирить враждующих, только они могут помочь людям разобраться в себе и понять других. И это, прежде всего, слово писателя! Оно нужно не только жителям Северного Кавказа. В нем нуждаются и жители других регионов России. Потому что, кроме войны, кроме голоса военных и политиков, они ничего уже не слышат.

Мощный творческий потенциал участников «железноводской встречи» был настолько очевиден, что после успешного, весьма плодотворного ее проведения Фонд принял решение о выпуске сборника рассказов северокавказских писателей. Наш «пробный шар», не очень, надо сказать, удачно названный «Война длиною в жизнь»,

тем не менее, не только завоевал симпатии российского читателя, но и вошел в десятку победителей ежегодного национального конкурса «Книга года». Нам были вручены специальный диплом жюри и бронзовая статуэтка «Идущий с книгой».

Символическое название приза дало основание северокавказским средствам массовой информации для полушутливых заголовков, подобных этому – «Идущий с книгой» держит путь на Кавказ». Но смысл их оказался пророческим: Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ стал победителем специального конкурса Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, получил грант на издание двух сборников повестей северокавказских писателей: «Цепи снеговых гор», «Лес одиночества» и четвертого тома серии, представляемого ныне – «Дорога домой».

Составитель этого сборника (как и трех предыдущих) Г. Л. Немченко, ведущий презентации, признался, что когда только прошел слух об издании, в адрес Фонда

было прислано столько рукописей, что их с лихвой хватило бы на множество томов. И есть решение сделать выпуск подобных сборников традицией.

Профессор ИМЛИ Сергей Небольсин, протоиерей Александр Кузин, глава спорткомитета СНГ Борис Рогаткин, глава кубанского землячества в Москве Юрий Азаров, критик Руслана Ляшева, писатель Иван Подсвилов и, конечно, авторы книги, приехавшие в Москву, Рамазан Хуажев, Аланка Уртати, Сулиета Кусова-Чуха были единодушны в мнении, что сборник «Дорога домой» – это очень серьезное явление, жизненно необходимое Кавказу, стоящему ныне на распутье.

Было принято решение об учреждении оргкомитета по присуждению авторам книги премии за создание единого духовного пространства России.

Необходимо отметить, что повесть С. Н. Макаровой названа центральной в книге, так как поднимает тему защиты наших детей.

К 200-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

**Николай
ИВЕНШЕВ****ДЕНИС
ДАВЫДОВ**

(Экскурс)

Генерал-садовник

Помещичий садовник
Иван Бузаев некий,
Как генерал-полковник,
У яблони с линейкой.
Здесь яблони сажались
По росту, по ранжиру.
Деревья те сражались
Армейской жизнью жили.
В снегах тонули, спали.
Зализывали раны
И почками стреляли,
Совсем как партизаны.
Трусил к ним русский заяц,
Щипал нахально корку.
Прадедушка Бузаев
Шугал их по пригорку.
Но места нет для грусти,
И яства нету слаще.
Как мед снимает с груши
Мой осторожный пращур.
Шумит камыш и донник,
Лягушки «квак» да «квак».
Он генерал-садовник
И это знает всяк
Грязища у амбара,
Тепло, темно и вязко.
А вот и бравый барин
С походкой гусарской.
Хозяин и работник.
Да полусонный сад.
Сидят и беззаботно
Грушами хрустят.
И вот за этим хрустом,
Как в молодое время,
Так остро пахнет Русью
И чуточку вареньем.

Бабушка

В этой жизни пышной,
Сколько ни потей,
Не хватает пышек
Бабушки моей.
Не хватает деда
Ярких веретен,
Да махры соседа –

На мазарках он.
Не хватает санок,
Сколько ни кричи,
Сказок про русалок
Ночью. На печи.
Чудо та одежда,
Чудо тот спорыш –
Ляжешь и немножко,
Чуточку паришь.
Не в Париж, а к маме,
Под ее ладонь.
Манит, манит, манит
К маме молодой.
В жизни этой тощей
Странные дела
Не хватает в общем
Воли и тепла.

Монолог гусара

Я шел под звездой высокой,
Дымился серебряный путь.
Целуй меня в левую щеку,
А правую позабудь.
Я брел под звездой вслепую,
Щекой твои губы храня,
И отрекошетила пуля,
Вцелованная в меня.
Я выпил счастливую долю,
Скакал сквозь жару и мороз
И к милой, под нежной звездой,
Я правую щеку принес.
Кто с гиканьем шпорит коня?
– Целуй мою правую щеку.
Она не узнала меня.

Москва-Париж-Москва

Поправив мужицкую шапку,
Он мчался наперерез
Французам. И саблей, и шашкой,
И пушкой щетинился лес.
В лесу и кроваво, и звонко,
(Я где-то об этом читал)
Спасала от пули иконка,
Никола-Угодник спасал.
И песня спасала Дениса,
Да шутка, да крученный стих,
Да русская птица – синица,
Да трубка одна на двоих.
Пусть в картах – несчастные пики,
Ну это, ты братец, шалишь,
В итоге России великой,
Пардон, поклонился Париж.
А русскими вечно стращали,
Презрительно шурили глаз,
Но курскими жирными щами,
Божественно пах Монпарнас.
Пал враг, чего там калякать,
Хватило и воли, и сил,
И русский исхоженный лапоть
По Сене божественно плыл.
Художники их рисовали,

А женщины для бесед
Взволнованно розы совали
В китовый капризный корсет.
Казалось бы, баловень славы
И лучик ее золотой,
Но крякнув и шапку поправив,
Давыдов помчался домой.
В Россию то лесом, то долом,
Какая печаль впереди?!
И русский Угодник Никола,
Дремал на гусарской груди.

Отставка

Ментик алый, волос – белый,
Беглый пушечный огонь
Протрубили три победы
За плечами у него.
Вилась Висла, билась Тисса,
Неман был, как сеттер, рыж,
Три победы у Дениса,
Пей шампанское, Париж.
А теперь вот конь отпущен,
Сабля спит. Кругом почет.
И стихи читает Пушкин,
Саша Пушкин, черный черт.
Ты – Денис, угодник дамский,
Отставник теперь. Пардон.
Бывший командир гусарский
Продает московский дом.
Кажется, что жизнь промчалась,
И не тот уже закат.
И на память лишь осталась,
Эта вот колода карт.
Да закутались, озябли,
Как в каком-нибудь бистро,
Эта вот «За храбрость» сабля
Да гусиное перо.
Три трубы, как три победы.
Локон бел, а ментик ал.
А что дальше? Он не ведал.
То привал, то перевал.
Шевелит гусар усам,
Ногу, кажется, свело.
И летят как стрелы сани
В средневолжское село.

Пенза. В театре

Это главное сражение
С замираньем на губах.
Там уже рождалась песня,
Или слово, или вздох,
И в груди тепло и тесно,
Там опять чертополох.
Сердце старого гусара
Так уже несется вскачь,
Да какой он, братцы, старый.
Тертый, крепкий он калач.
Обнимались две ладони.
На театрах, на виду.

В общем плаче, в общем стоне
Говорили ерунду.
У него опять сраженые,
Как у Клязьмы под Москвой,
То же трепетное жженое,
И кровавый тот же бой.
Да, дела довольно плохи,
Ну, Денис, не будь дурак,
В этом вот чертополохе
Очень слабый левый фланг.
И уже стучит карета,
И в руках – ее платок.
И какие брызги сета!
За каретой. Цок-цок-цок.

Такси

Усатый таксист мне включил
про баланду,
Про то, что в тюрьму бедолагу
закрыли,
А надо бы петь про другое,
балладу
С названием чудным
«Гусарские крылья»

Сирень

Такие сирени цвели у него за
плечом,
Пронзительно так, будто эти
сирени из бездны.
А он – сумасшедший, ему, как в
бою, – нипочем.
Легко укатил целоваться
с красавицей в Пензу.
И рвался от ревности сад,
и слетала листва,
Подушка рыдала, и снился все
время тарантул.
И трогала щеки: «Жива, как ни
странно, жива.
Уехал. Вернется. Какая же это
утрата?!»
А Пенза – в свечах. И у города
своей караул.
Красавица рвет его глупые,
жалкие письма.
Целует в затылок. И кренился
кивером стул,
Отныне он друг, да и только.
Отныне и присно.
И он возвращался. И отцветала
сирень.
Увяли на окнах степные
лазорьки простые.
И женины очи от слез
становились серей.
Они его, кажется, кажется...
точно простили.

А он не простил ни горячки,
ни медленных губ,
Ни черной заколки внизу
ее тонкого платья.
Ах, как же я глуп, как же,
боженька, слеп я и глуп.
Седой, отставной. Он в сарае
безудержно плакал.

Пароходу и человеку

Списанный из ВМФ пароход
«Денис Давыдов» катает по Мо-
скве-реке состоятельную публику,
зарабатывая тем самым себе на
ремонт.

Здравствуй пароход
«Денис Давыдов».
Ты от ветра и невзгод осип,
И не подаешь, конечно, вида,
Шлюзы ломит, палуца болит.

Честь и удаля, все пошло на убыль!
Ты теперь буржуйский ресторан.
На твои обветренные губы
Натянули дьявольский капкан.

Стойки бара, дамы полусвета,
И другая яркая попса.
Но не спета песенка, не спета.
Светлая настанет полоса!

Запоют серебряные трубы,
И спасут от горестей и бед,
Их поднимет из глухого трюма,
Молодой и ветреный корнет.

Нет, не надо горького лекарства,
Все само собой произойдет,
Когда дух старинного гусарства
На Россию снова снизойдет.

Тискай свою дамочку, не тискай,
Но слетишь в дешевый свой уют,
В бой выходит храбрый полк
Ахтырский,
Трубы серебром своим поют.

Родина – не эта вот шарага,
Не Сердючка с мыльного двора!
Как ромашка Родина, как шпага.
И нежна, и вольна, и остра!

Родина, она не мушкетерка,
Партизанка. И гляди, дивись,
Как из-за зеленого пригорка
Вдруг да к нам и выскочит Денис!

НАМ ПИШУТ

Будем бдительны!

«Глаза и уши – ворота в душу».

М. 1.5

«Эпидемия детских самоубийств в России».

(NEWSru.com 12.02 2012)

Да! Ругаем, и негодуем, и недоумеваем по поводу современного образования. На это, к сожалению, очень много причин! Приведу примеры из учебников моего внука-второклассника, которому еще в первом классе объявили, что он будет обучаться по программе Виноградова, чей комплект учебников и был приобретен.

Учебники рекомендованы для обучения в школе достаточно давно, еще при первом президенте России. Итак, представьте, что, оторвавшись от убийного телевизионного экрана, наши дети, наконец, начинают читать сказку, увы, английскую «Как Джек ходил счастья искать»: «...а под столом – сапожник. Как вонзает он в меня шило!...а там кто-то зерно молотит – как трахнет он меня цепом – чуть с ног не сбил! ...А там – дровосек – как запустит он в меня топором!» ...О смысле сказки я уже не говорю. Второклассники, надеюсь, сами догадаются, что главное счастье – в трудах праведных, а не в хождениях...

«Сказка о трех поросятах» тоже в английской версии. Наш вариант этой сказки авторов учебников не устроил. В импортной ведь свиньи пьют вино, а мартышки курят табак. Это же круче, чем строить дом! А вот из сказки «Зимовье зверей» этого же учебника: «Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!...Ножи точу, до поры точу».

Из величайшего множества разнообразнейших русских сказок отобрали сказку К. Ушинского «Плутиска-кот», которая явно

требует подготовленного читателя и, увы, созвучна английской. Герой сказки – кот жалуется: «...била меня баба, била, уши выдирали, ноги поломала, да еще удавку на меня припасла».

Меня «Плутиска-кота» внук спросил меня: «А что такое «удавка»?»

Он быстро обнаружил именно ту мину замедленного (а, может, немедленного!) действия. Думаю, на это и рассчитывали те, кто отбирает подобную литературу для малых. И это повод для очень серьезных выводов нам, родителям, которые передоверились ученым мужам – а зря!

Цитаты взяты из учебника «Литературное чтение», автор-составитель Л. А. Ефросинина, который переиздан в 2006 году. Видимо, как оправдавший надежды авторов!

Но, может, с другими предметами дела обстоят не столь плачевно. Листаю «Русский язык». Урок 79. Тема «Значение

слова». Вопрос к ученику: «Можешь ли ты сказать, что такое: ТИЛИМИЛИТРИЯМДИЯ, ТРИЯМ, КУКАЛЯКА, МУМУКА?»

А ты, читатель, можешь? И этот вопрос задают второклассникам, которые еще свою фамилию путают с фамилией соседа по парте и буквы пишут задом наперед!

Этот учебник тоже под редакцией профессора Виноградова. А мы-то думаем – и что наш внук приходит из школы с каким-то ошарашенным видом? Э, вон оно что! КУКАЛЯКА с МУМУКОЙ напугали!

Говоря о «Русском языке» Виноградова, интересно узнать, чем не угодили уникальные учебники Бархударова и Крючкова? А этот переполнен ненужной второкласснику информацией об архаизмах, о заимствованных словах и терминах, переполнен пустяжными заданиями и менее всего обучает грамотно писать и говорить! Мыльный пузырь! С маркетинговыми приемами для

увеличения цены учебника. Мне подумалось, что на Юге России, в частности на Кубани, есть достойнейшие детские авторы. Их стихи и сказки поучительны, добры, нравственны, образны.

Предлагаю инициировать принятие закона органами местного самоуправления о расширении, по заключению экспертного совета, использования произведений наших авторов в школьных программах за счет уменьшения всех иных.

И, я уверена, в этом случае будет намного меньше поводов говорить о детских самоубийствах. Тем более групповых! Страшно подумать, до чего мы дожили!

Не так давно на одном из каналов ТВ психологи искали пути решения и рассуждали о причинах, объективных и субъективных, этого вселенского кошмара! А вот 17 февраля этого года, после 12 часов дня, случайно взглянув на экран, перед которым сидел мой второклассник и смотрел мультфильм, я увидела сцену полета двух детей с крыши высотного дома. И услышала комментарий о том, что им показала пример АДРЕНУЛИНА героиня этого, с позволения сказать, «мультика». Трансляция шла на канале ДИСНЕЙ, открытом на ТВ после нового 2012 года.

И подумалось мне после выключения этого канала, что психологам не нужно голову ломать! И горький вопрос смутил душу: «А нужны ли России дети?!...»

Агафья Сагал

ЮБИЛЕЙ

Один день из жизни Ричи

РАССКАЗ

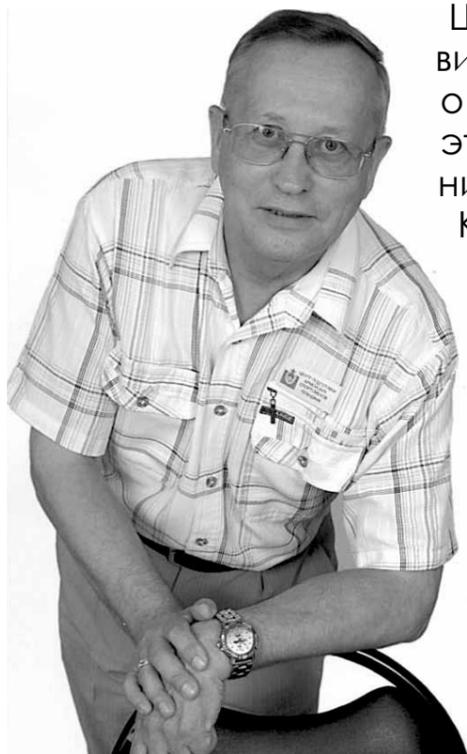
«Люди забыли эту истину, – сказал Лис, но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».
(«Маленький принц», Экзюпери)

Рассвет медленно набирает цветовую гамму. В подъезде еще темно. Сосед с верхнего этажа спускается вниз, перешагивая через меня, подходит к мусоропроводу и с шумом вываливает мусор. Раздается грохот, звон бутылок и еще что-то такое, от чего замирает дыхание. Мог бы и потише... Маша еще спит. Скулить и лаять не разрешается, поэтому я терпеливо лежу в полумраке на подстилке, выделенной хозяйкой, и размышляю о бренном. Кто мои родители? Может, их совсем не было? Или я появился из кучи сухой травы как тот щенок, которого нашли дети, и с гиканьем с утра до вечера носятся с ним по всему двору. Не думаю, что меня родила Маша и потом отдала своему племяннику. На нее это не похоже, она меня очень любит. Мучает вопрос: почему я беспородный? И кто лишил меня породы? Кто отнял ее у меня? Если б знал кто, я бы показал свои зубы и постарался ее вернуть. Ну, эту, как ее, породу. Правда, сам не знаю, что это такое. Сегодня суббота. Мой хороший знакомый уже «готов». Он не входит в подъезд, он вламывается. В подъезде неоднократно падает и поднимается. Выпустить меня или впустить – вся надежда только на Машу...

И так, давайте знакомиться. Меня зовут Ричи. Я мальчик. Мне, кажется, не более двух лет. Если кто-то еще думает, что я человек, – нет. Я собака. Правда, самой неопределенной породы. Как дают мне понять в нашем дворе породистые собачьи особы, у меня нет родословной и гордиться мне нечем. Меня выкинул хозяин. Бесцеремонно, без объяснений и теплых прощаний. Он забыл или, быть может, оставил добротный ошейник мне на память? Вещь, кстати, не очень удобная, особенно когда хочется почесать шею. Если кто и жалел о моем выдворении, так это дети хозяина, искренних слез было много. Но им популярно объяснили: на мне есть блохи, возможно, есть и глисты, и всякая другая нечисть, опасная для их здоровья. Откуда все это я понабрал – не знаю. Все время, пока я был крохой, меня лелеяли, не спускали с меня глаз, купали, тискали и целовали в мою мордочку с утра до вечера. И это остается для меня до сих пор загадкой.

Подобрала, точнее, приютила меня Маша, родная тетка того племянника, который выбросил меня из своего жизненного пространства. Поэтому с недавнего времени я живу в одном из подъездов пятиэтажного дома на лестничной площадке и под самой дверью квартиры Маши. У меня веселый и добродушный нрав. Я даже лаю только тогда, когда радуюсь или хочу что-то выразить. Больше всего, конечно, приходится смотреть снизу вверх исподлобья и долго дожидаться, пока буду понятным. Люди вообще очень странные сами по себе. Иногда мне кажется, что они бестолковые и не понимают самых простых вещей...

Подъезд чаще всего открывает мне мой знакомый, который благоволит мне. От него всегда исходит стойкий запах домашней кошки. Он очень любезен, но держит меня на расстоянии. Никогда не пытается прикармливать. Видимо, та особа, чей запах вьелся в его одежду и чьи белые волоски прилипли к его брюкам, держит его на поводке. Маша на пенсии. Она говорит мне: пенсия – это способ нашего с тобой существования. Живет она в однокомнатной малогабаритной квартире со своим

Дипломант смотря профессионального мастера, гуманитарной акции «Культуры алмазной фонд» в номинации «Литератор года» по итогам 2009 года. Как автор повестей, рассказов принял участие в краевом семинаре начинающих литераторов в 2011-м. Живет в Геленджике.

оболтусом. Оболтус, ее сын, развелся с женой, нигде не работает. Однако постоянно приходит «навеселе», просит денег, и каждый раз норовит оставить на мне отпечатки своей обуви. Если бы не Маша, я давно бы уже лишился «прописки» на моей лестничной площадке. Маша очень добра ко мне. Она кормит меня, выгуливает вокруг дома. Я с гордостью ношусь вокруг нее, иногда забегая вперед достаточно далеко, но всегда возвращаюсь к ней.

Территория моего двора достаточно просторная, но имеет свои опасности. Самую большую опасность представляют мужики, сидящие на скамейках, от которых пахнет невымытым телом и самым дешевым пивом. Однажды один из них сломал мне лапу, и я целых полтора месяца ковылял на трех. Спасибо Маше, она смазывала мою лапу пахучей мазью, перевязывала ее и грозила тем мужикам милицией. Что такое милиция я не понимал, но с гордостью и опаской выглядывал из-под ее ног и негромко порывивал на них. А один из дворовых мальчишек постоянно гоняется за мной, пытается поймать. Поймав меня, он постоянно громко кричит: «Дай лапу! Дай лапу! Дай лапу, Ричи!» Далась ему эта лапа. Лучше вынес бы мне косточку с чешуйками мяса. При этой мысли можно слюной изойти. В соседнем подъезде живет болонка, довольно вздорная особа. Познакомиться с ней мне не удается. Она очень важная, и от нее пахнет ее хозяйкой. Запах очень сильный, и я подумал: «Наверное, хозяйке приходится весь день вылизывать ей шерсть, чтобы она так пахла». А вообще мне весело. В нашем дворе хватает собак и есть с кем устроить забеги и другие игры, чтобы вздохнуть повеселиться...

С утра ливень. Кругом текут реки. Полнейший дискомфорт даже для моих блох. Маши не видно. И открыть дверь некому. В девятиэтажку не пустили. А какая-то девочка даже шикнула на меня, и я забился под

Царев Владимир Иванович родился в Ивановской области, в городе с поэтическим названием Родники. Закончил в 1978 году Казанский медицинский институт. Врач. Свой жизненный путь прошел в разных уголках нашей страны – от Прибалтики до Дальнего Востока. Служил в Забайкалье, Амурской области. Стихи стал писать в зрелом возрасте. Издал первый свой сборник стихов «Осень в Геленджике» в 2006 году. В 2010-м вышел сборник «Путешествия души».

стенку возле входа в свой подъезд и просто ждал, подрагивая от сырости и холода. Мимо проходили люди. Открывали и закрывали двери, но никому было невдомек, что рядом живая душа. Вскоре появился мой знакомый: «Ну что, Ричи? Промок? Давай проходи, я открою тебе дверь». Есть же добрые люди на свете! Еще я побаиваюсь мальчишек. Непредсказуемое племя. Могут выкинуть все, что угодно. Один пытался меня накормить кусочком мыла. Я гордо отвернулся и ушел. Если б я мог говорить! Я бы сказал, о чем думаем мы, собаки. Еще в нашем дворе много кошачьего племени. Белые, рыжие, черные, в крапинку, всех мастей. Самые никчемные и противные создания. Но почему-то их постоянно прикармливают старушки и из окна, и с балкона, прямо на улице. Странно! При этом из подвалов истекает такой мышинный запах во все вентиляционные окна, вырываясь наружу! Рядом, за углом, в полуподвале аптека. Ее облюбовали наркоманы. Накупив таблеток, которые они называют почему-то «колесами», располагаются прямо на траве, за соседним домом. Туда мне ход закрыт, на это тоже наложено табу. Это тоже запретная зона и там небезопасно. Маша грозит мне пальцем, если я только гляну в ту сторону. Она не слышит, а слуховой аппарат постоянно ломается, но это не мешает нам прекрасно понимать друг друга. Язык жестов ей доступен.

Я люблю бегать купаться на море. Я научился даже переходить улицу на зеленый свет по пешеходному переходу, изумляя прохожих. Особенно женщины, которые, видя, как я, неторопливо перебирая лапами, важно иду на зеленый свет или стою на красный, восхищенно закатывают глаза и шепчут: «Надо же!». А я горд! Знай наших! И делаю вид, что этого не замечаю. Во время прогулок, бывает, и проголодаешься. Но в городе много кафе, торговых точек, и выпросить косточку или вообще чего-нибудь

съедобного не так трудно – я этому научился. Уличная жизнь научит всему – это не жизнь соседки-болонки, которая сразу же с голоду умрет, оказавшись на улице. Эту мысль я уже прокручиваю несколько раз почему-то с большим удовольствием. Люди любят, когда ты пристально с умным взглядом смотришь долго, прямо в глаза. Это их умиляет, и наступает момент – они на мгновение твои. Как хорошо, наверное, быть человеком. У него всегда для себя припасена отменная кость, которую он, медленно смакуя, обгладывает в тишине в укромном месте, и никто при этом не пытается отнять ее. Сначала я думал, что у меня много друзей. Но оказывается, не все, кто кричит: «Ричи! Ко мне! Ричи! Ко мне!», друзья. Я понимаю – им просто некуда себя деть. И это горько. Иногда мне тоже скучно, а то и грустно, особенно когда никто не обращает на меня внимания. Поэтому я сразу начинаю по двору гоняться за голубями. Я для них не опасен. Просто мне нравится, когда возле моего самого носа звучит: «Фырр...», и голубь взмывает в небо. Дух захватывает! Мне бы так! А еще, когда я вижу, как какой-нибудь мужик свободно почесывает себе спину, у меня сразу начинается зудеть чуть выше хвоста. Тут я сразу понимаю, что до человека мне еще далеко.

И все же – чудачки эти люди. Загромождают свое существование различными вещами, звуками, запахами. Самое интересное – все пахнут по-разному. Маша пахнет, как сахарная косточка, только что выловленная из бульона. От знакомого соседа несет стойким кошачьим запахом и запахом пива. Сосед снизу пахнет дымом, табаком и сушеной рыбой. От официантки с набережной так пахнет, что голова кружится и нос выворачивается наружу, заглатывая эти флюиды. Мне ее жалко. Приходится долго ждать, пока она что-нибудь вынесет. Но я не обижаюсь. Она носится по нескольким квадратным метрам с такой скоростью, как делаю я, но только по всему двору, загоняя кошачий род куда-нибудь на трансформаторную будку. И вот она, наконец, вся усталая и размякшая, с грустными глазами, выносит на тарелочке что-то очень вкусное, я подхожу к ней, трусь о ее ножки, виляя хвостом, подрагивая всем нутром и сжимаясь. И это неопишимо! Я счастлив. А потом я бегу на пляж, где, не взирая на отдыхающих и прочих бездельников, бросаюсь в море, затем выскакиваю на песок и так много раз. Много раз – это три-четыре раза. Взметнув струйки песка в воздух и в сторону недовольных, я убегаю с пляжа, полный сил и энергии, с чувством собственного достоинства.

Я не знаю, что такое время. И как его считают эти странные люди. Я слышу, как Маша кричит: «Ричи, домой! Уже поздно!». Я заглядываю ей в лицо, в глаза, и мысленно спрашиваю: «Можно еще? Почему поздно?». Так хорошо, когда лето в разгаре, тепло, двор весь заполнен таинственными запахами, с которыми мне еще предстоит разобраться. Они будоражат. Но вот я снова в подъезде. Успокаиваюсь, ложусь на свою подстилку у любимой двери. Тишина постепенно погружает меня в сон. Какое-то люди с запахом шашлыка на большой молочной тарелке суют мне два огромных бараньих ребра, на которых ни щетинки мяса, ни запаха... Я просыпаюсь, и начинаю тихонько скулить и завывать. Душит обида. Выходит Маша. Она, поглаживая и почесывая мне за ушами, приговаривает: «Ну, Ричи. Что с тобой? Успокойся». И я засыпаю. Кажется, день закончился благополучно.

ЮБИЛЕЙ

«Для писателя нет запретных тем...»

На вопросы редакции ответила член Союза писателей России, лауреат журнала «Наш современник», поэт **Нина Никитична Хрущ**

Что побудило вас стать поэтом? Чьими стихами вы зачитывались в тот миг, когда и самому захотелось что-то сочинить?

Я не могла бы сейчас назвать причины, которые заставили меня начать писать стихи, я их не знаю. Я могу ошибиться, так как с течением времени они мне могли бы показаться другими. Могу лишь сказать, что на меня имели большое влияние семь великих поэтов: Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Кольцов, Некрасов, Тютчев и Фет. Вы улыбнетесь – вся школьная программа по литературе. Из современников я бы особо выделила Юрия Поликарповича Кузнецова. А когда не хватало словарного запаса – бывало и так, читала Чехова, Лескова, Бунина, Распутина, Белова.

Откуда вы родом как поэт?

Я родилась в городе Артемовске Краснодарского края в семье, корни которой уходят в самобытную крестьянскую среду. Мои родители, в силу обстоятельств, покинули этот суровый и родной край, и много ездили по стране. В разное время я жила на берегах Волги, в Ставрополе, в Дагестане, и лишь Кубань стала для меня тем берегом, на котором я и остановилась.

Какую роль, по-вашему, играют в жизни поэта и писателя атмосфера его детских и отроческих лет, и чувствуете ли вы их «отсветы» в своем творчестве?

Детство занимает совершенно особое место, как начало пристального познания окружающего мира. Это годы, когда я еще не подозревала, что рождена быть поэтом, и без всякой заданности впитывала впечатления. Мое детство не было безоблачным и счастливым. Пять лет наша семья жила без отца, который отбывал срок за резкое высказывание в адрес райкомовского чиновника. Официальная статья была «за расстрел». Отбывал срок на строительстве Волжской ГЭС. Вот так наша семья оказалась на берегах Волги. Война оставила отца в живых, лихого командира артиллерийского орудия, награжденного медалью «За отвагу», но тюрьма сломала его морально. Потому, возможно, мы переезжали с места на место, то ли ища лучшей жизни, то ли уезжали от проблем. Для меня было время познания новых мест, новых людей, обы-

чаев и, конечно, детских страданий – жалко оставлять школьных друзей, домашних животных... Возможно, из-за этого в моем творчестве нет бесшабашной веселости, скорее раздумья о жестокой правде моего поэтического мира.

Каково ваше видение будущего русской литературы в традиционном ее понимании, то есть как одной из оболочек ядра национальной идентификации?

В первую очередь поклонилась бы русской литературе, поклонилась бы тем именам, что и сегодня продолжают развивать ее гуманистические традиции. И в настоящее время русская советская литература имеет по-настоящему замечательные имена, как Астафьев, Белов, Распутин, Абрамов, Лихоносов, Личутин и др. Следование традициям русской литературы всегда считалось делом примерным и похвальным. Это на самом деле замечательно, особенно для молодых поэтов, овладевающих ремеслом, преодолевающих литературное косноязычие, чтобы не исчез главный нерв, главная правда нашего бытия. Традиция отражается, прежде всего, в том, как писатель понимает человека в окружающей его жизни, в конкретной социальной обстановке, чтобы его произведения совпадали с народным отношением к несправедливости, к несправедливости, которая существует в окружающем мире.

Вы уделяете внимание работе с молодежью?

Литературное объединение «Ладомир» объединяет всех пишущих без всяких ограничений. Коллектив не один, не монолитен, не ровен. Каждый приходит со своим багажом, со своим энергетическим запасом. Приносят рукописи, блокноты, тетрадки, папки, листочки. Тут перемешано все: и вызов, и поза, и поэзия. Открытый текст рукописей ничего не скрывает. Состояние творчества столь неординарно, что кажется вообще особой формой жизни. Человек в нем раним, открыт и нуждается в поддержке и товариществе. Здесь особая задача – не гасить активность, а предложить человеку быть творцом. Человек пишет, потому что это преобразует его жизнь. В литобъединении есть возможность контакта пишущих и читающих, независимо от их ранга, возможность развития и роста тех и других.

Как относитесь к Интернету? Поддерживаете ли какие-либо отношения с сайтами?

К Интернету отношусь положительно. Среда общения, доступной информации. Быстрая связь, обмен файлами, идеями, творчеством, возможность для литературных диспутов. Интернет, как образчик, не в стороне от жизненных процессов и литературных дел. Пользуюсь популярным сайтом «Стихи.ру».

Сегодня поэзию не читают, потому что: 1) трудно различить лидеров. Критики большинства имен не знают, книг (а чаще всего отдельных публикаций) не читали и судят по случайным симпатиям, или по земляческим признакам, или по случайной информации – из газет, разговоров, журналов. Дело совсем не в писателях, которых продолжают держать в тени, дело в критиках, ибо они связующее звено между читателем и писателем. Еще один

вечный вопрос: народ и интеллигенция. Он сейчас принимает несколько иную окраску, чем раньше. Недооцененность, непрестижность писательского труда в такой казалась бы благополучной стране, низкая оплата работы, плохо налаженный быт. Если ты такой умный, то почему ты такой бедный? Читателю что? Он зачастую не знает, какие процессы происходят в литературном мире. 2) Поэты, конечно, пишут о разном. Что хотелось бы тут сказать, что современная поэзия как-то избегает авторски радоваться или авторски печалиться, она в основном объективна, а то и прямолинейна. Как к этому относится читатель? Зевает от скуки, и откладывает книгу в сторону.

В России поэт всегда считался «больше чем поэт». Как вы думаете: должен ли современный поэт выражаться «доступным» (современным) языком, чтобы быть понятым?

Ищешь читателя – сообщника души, пиши доступным, современным языком. Можно иногда открывать словарь Даля, чтобы удивить велеречивостью и красотой слога. Пиши о том, что любишь, что принимаешь в жизни, что для тебя дорого и свято, а что презираешь и ненавидишь. Будь исповедальным, открытым, честным. Ясность слова затронет сердце самого искушенного читателя.

В чем вы черпаете стойкость и мужество для того, чтобы оставаться поэтом, быть верным себе?

Откровенность, обнаженность авторского «я» являются для меня главным достоинством. Нужно иметь определенное мужество, чтобы в стихах оставался нравственный максимализм, чтобы оставаться верной своему таланту без чужих банальных строк, или заемных интонаций.

В каком направлении, на ваш взгляд, будет развиваться поэзия XXI века?

Я не люблю заглядывать в будущее. Но разве дело в одной поэзии? Все будет зависеть от экономического положения русской литературы. Будут появляться книги невысокого эстетического качества с баснословными тиражами. А с другой стороны, хорошие поэтические книги вряд ли найдут своих читателей. Поэты будут искать средства, либо издаваться на собственные средства. Тиражи их книг будут незначительны – обычно 200–300 экземпляров. Журналы, конечно, будут публиковать стихи, но это капля в море. Молодые уйдут в Интернет, там больше свободы и общения. Современная поэзия уже сейчас характеризуется активными поисками в области формы, ухода от традиционных стихотворных размеров, где нет ни строгой ритмики, ни рифм. Поиск смысла будет искать в нравственности сквозь ясность или затененность поэтического образа. Порой внимание будет сосредоточено, скорее, на словах, чем на идеях.

Вы себя в первую очередь считаете чистым лириком или поэтом, который обязательно должен проявить свою гражданскую позицию? Не превращаются ли тогда стихи в декларацию?

Можно считать себя чистым лириком, но гражданская позиция все равно будет видна. Ее не надо принудительно предьявлять

читателю, навязывать свои идеи. Читатель сам выберет свои предпочтения. Кто будет читать стихотворные декларации? На мой взгляд, мой современник – читатель склоняется к обобщенной, философской поэзии. Суэта жизни требует осмысления.

Когда вы отдыхаете? И отдыхаете ли?

И правда, иногда хочется хорошего отдыха, оставить семейные дела, повседневные заботы. Ушедший год, да и наступивший были весьма трудными в моральном плане. Чувствуется накопленная усталость, депрессия. Прогулки по городу, по парку дают заряд бодрости, возвращают желание к творчеству.

Когда приходит вдохновение?

Вдохновение, как правило, приходит внезапно, но чаще всего оно появляется тогда, когда возникает замысел, чаще основанный на ассоциациях. Совершенно неожиданно, какие-то действия, предметы, состояние природы привносят вдруг идею...

Возможно, все эти явления имеют определенную связь, непонятную поверхностному осмыслению. Когда долго о чем-то думаешь, незаметно для себя, то вдруг наступает момент рождения первой строки. Но она еще до конца не откроет тайну замысла и смысла будущего стихотворения. Дальше начинается работа. Вдохновение не приходит, когда наступают спокойные, похожие друг на друга будни, когда не ожидается никаких перемен. Недостаток информации тормозит мысль.

В чем можно упрекнуть?

Поэтов сегодня упрекают, да это и справедливо, что разучились эпатировать читателя, разучились ошибаться и делать глупости. Но одно обстоятельство, безусловно, – нельзя всерьез и надолго заявлять о себе чужим голосом. Ни в поэзии, ни в жизни. Голос должен быть свой. Иначе поэт будет неубедителен, как бы громко он о себе ни заявлял. Однако дело еще вот в чем. То, что лежит в столе, касается только меня одну. То, что мной опубликовано, касается всех. Каждая книга требует определенного мужества. Писатель берет на себя ответственность говорить от лица поколения, доверяет свою судьбу, свой жизненный опыт, действительно свой, не заемный, выстраданный, а не вычитанный.

Запретные темы есть?

Для писателя нет запретных тем. Нет даже необходимости пояснять, почему он пишет именно о том, что его волнует. Он пишет – и все тут, так требует его душа и сердце, таковы его мотивы. Написанная и изданная книга – она добра и великодушна, она отпускает тебя, она освобождает, убирает препятствия, для посвящения себя другой книге – самой главной, которая не написана и живет только в замысле. Правда и тут необходим выбор, что лучше делать – улучшить прежний сборник или написать новый? Но верх берет желание написать новую, причем такую, чтобы не повторить ошибок и недостатков книг прошлых. Другое дело, не всегда это получается. Независимо от писателя, книга приобретает собственную жизнь, у нее свои правила поведения, свои отношения с читателем, с временем.

Беседа провела С. Н. Макарова

* * *

Что подарит мне возраст коварный?
Что я в нем обнаружу, Бог весть...
Тот же дым горьковато-угарный,
Что на родине только и есть.
Эта жизнь моим сердцем согрета –
Оказалось, что в ней это я –
Снова жду тополиного лета,
Где витает сквозняк бытия.
Дни-песчинки не кажутся твердью.
Современники, время летит.
О, как часто мы хлопаем дверью,
Что печалит нас всех и роднит.

Отцвела маттиола

Отцвела, отцвела маттиола,
Где фонарь, упираясь во тьму,
Не согреет простывшее горло –
Я привыкла к шарфу, как ярму.

Хорошо в этот час в одиночку
По уставшему парку ходить
И его золотую сорочку
Обреченно и нежно любить.

Может, праведный мир воцарится?
Но летят журавли, журавли,
А под ними родная земля
Сорвалась с заводной колеи.

И тревожно, как в смутное время,
Отступили любовь и печаль.
Ветер гонит последнее семя –
Ничего в этой жизни не жаль.

Люди, звери, деревья и птицы
Уплывают в холодный простор.
Звезд далеких колючие спицы
Завели меж собой разговор.

Неустойчивый мир, утонченный
Давит жестко на русскую грудь,
Будто камень горячий и черный
Выжимает последнюю грусть.

* * *

Пока искала трубку мира
И набивала табаком,
Моя задумчивая лира
Махала издали платком.

Как много дел на белом свете,
Напротив правды я стою.
Летают птицы в жарком лете,
А я о мире слезы лью.

Тех малых пташек кормит небо,
Дождей рядно на небесах.
Всех помирить хотелось мне бы,
И от того душа в слезах.

И от того ей нет опоры
В полуразрушенной стране,
Куда ни глянь, ее просторы
Горят в мучительном огне.

* * *

Снег идет. Слово белая нитка
Вдруг связала слова и века.
В старом парке примерзла калитка.
На деревьях висят жемчуга.
Раззадорился ветер холодный –
Бьет в лицо, не откроешь очей,
Но хорош этот вечер морозный
В жалком свете ночных фонарей.
Как значительны эти осадки –
Ткется, светится, снег надо мной.
Я стою возле старой палатки,
Где торгуют промерзлой хурмой.
А душа, как дорога, безлюдна, –
Только я, белый снег, горький дым...
Мне понять ее страшно и трудно,
С ней оставшись один на один.
Все запуталось в мире огромном,
Не видать ни звезды, ни жилья.

Нина Хрущ

Только снег вьется в небе бездонном,
Бродит мысль, золотая, ничья.

Страх

В полупустой электричке
Мало людей и огня.
Люди с Кавказа – кумычки
Едут напротив меня.
В пологе темной накидки
Кормят грудное дитя,
Как хорошо – не шахидки –
Думаю время спустя.
Нячат ребенка, дорога...
Носят его на руках.
Тихо прошу я у Бога –
Да, сохрани их, Аллах.
Мчитесь сквозь ночь электричка,
Темен оконный проем.
Не догоревший, как спичка,
Страх тлеет в сердце моем.
Мчит громыхающий поезд,
Дружно на стыках звеня.
Господи, кланяюсь в пояс,
Ты сохрани и меня.
Нужно довериться Богу,
А в остальном – разберусь.
Режет стальная дорога
Надвое матушку-Русь.

России грустно в русском веке

России грустно в русском веке.
Куда ни глянь – бомжи, калеки.
В подъезде пахнет наркотой...
То гарь, то дым в душе пустой.
Нет, не об этом мы мечтали,
Храня наивные печали
О бывшей родине большой.
Грустим о прошлых временах,
Где красный стяг и День Победы,
Но умерли отцы и деды
С укором памяти в очах.
Потомкам время отомстило –
Им не дозваться друга, брата...
Но в чем Россия виновата?
Я у своей души спросила.
Не просто так ей стало больно,
Она очнется и поймет,
Что перейдет и это поле,
Где вьюга белая метет.

Бойся данайцев, дары приносящих

Бойся данайцев, дары приносящих,
Бойся машин, по дороге летящих.
Бойся друзей, что глядят и молчат,
Повадкой похожи на злобных волчат.
Бойся, когда небосвод угасает –
Лютотого зверя твой шаг привлекает, –
Вышел легавый на промысел свой,
Слышен его отвратительный вой.
Мать-Россия, дай тихую пристань,
Чтоб Богу молиться и вечно, и присно,
Чтоб дал мне защиту от страха и боли,
Оставил мне слово... Но все в Его воле.
Я Родину-мать и такую приемлю,
Смотрю, как снега ниспадают на землю,
Мечусь на ветру, трепещу как лампада –
Меж холодом, жаром, и раем, и адом...

Куда ни глянь, кругом морозы

Куда ни глянь, кругом морозы,
Но, а у нас, дружок, тепло.
Седой туман роняет слезы,
Глядит в холодное стекло.
И ничего, что я в печали,
Кормлю синиц, но боже мой,
Пустое небо – эти дали
С ума сводили глубиной.

Мир наполняет воздух влажный.
Спокойно думаю о том,
Что солнце выглянет однажды,
Согреет всех живым теплом.
Вот и стою под небесами,
Где время ветрено сквозит,
Где мотылек в закрытой раме
Найти свободу норовит.
Ломает крылышки и вьется –
Там за стеклом туманный свет, –
И все настойчивее бьется,
И больно на него смотреть.

Где живут глухари...

Где живут глухари
И щебечет залетная птица,
Где кричит коростель
И сломался камыш над водой...
Я хочу в эту ночь
В этом редком бору заблудиться
И тебя целовать,
Обнимая в траве полевой.
О, калиновый дождь!
Кто-то должен же им соблазниться?
Я была бы смешна,
Перепулав ладони с листвой...
Я хочу тебя взять, –
Я брала города и столицы, –
Я возьму тебя в плен
И запью ледяною водой.
Пахнет пеплом земля –
Не отдаст нас она, не уронит.
Облачась в чернозем,
Мы сгорим, уподобясь стерне.
Я хочу тебя взять
В разогретье жаром ладони,
Все, что станет золой,
Не поднимется выше в цене.

Дымная девочка

Дрогнет застывшая веточка,
Словно крыло за спиной.
Самая дымная девочка
Ходит по снегу с тобой.

Ветер холодный и яркий
Дул с онемевших полей.
Нежно целуешься в парке
С девочкой дымной своей.

Жгучий, как зорька, румянец
Тек по щекам от бровей.
Зимний задумчивый танец
С девочкой дымной твоей.

Отблеск фонарный и тени,
Падает снег золотой.
Девочки дымной колени
Жгут будто жар огневой.

Кто эту музыку слышит?
Солнце ушло на покой.
Дымная девочка дышит
Тихо под теплой рукой.

Какая нежная тоска

Какая нежная тоска,
К покою тянутся равнины,
И журавлиный плач быллинный
Печалью полнит небеса.
Прозрачен воздух ясный, чистый.
Открыты окна в старый сад...
Все так же, но три дня назад
Он был по-летнему лучистый.
А тридцать лет тому назад
Цвела сирень, звенели пчелы,
А ночью звездопад веселый
Шуршал по листьям наугад.
Я так давно в саду живу.
Упали яблоки в траву...
Я в двух веках одновременно –

В костер подбрасываю сено
И строчки мелкие пишу,
К земле чуть приклонив колени.
Пусть все останется со мной:
Кусты, деревья, георгины.
Но ветер, веющий с долины,
Горчит польниью и тоской.

С каждым днем все теплей

С каждым днем все теплей и теплей,
Все уверенней щебет и трели.
Зашумели над жизнью моей
Серебристые струи капели.

Снег последний, как будто зола.
Над березой все ярче закаты.
Наплывает межзвездная мгла
На завод, гаражи и на склады.

Я приветствую чистые дни.
В них пред жизнью мое оправданье.
В нежном марте длиннее они, –
Время есть для любви и прощанья.

Вы ушли, и мой дом опустел.
Под балконом плясали и пели...
Стало холодно. Снег полетел
И кружил вперемешку с капелью.

Сухая, ясная погода

Сухая, ясная погода,
Седой туман приник к земле.
Нам всем хватило недорода –
Восходит солнышко в золе.
Глядит из лучезарной дали
На мать-планету, что в слезах.
О чем вы, сирые, мечтали,
Небось, летали в небесах?
Бреду туда, где день веселый,
Пьяна и грешна без вина,
Где разогретье нежно доли –
Взошли другие семена.
Ласкают взор провинциалки
Ростки зеленые полей,
А, пригляжусь – цветут фиалки
В тени осенних тополей.

Моя старушка – свет небесный...

Гуляю в парке – панорама –
Снежинки белые летят.
Герань цветет, где кот и мама
В окошко на зиму глядят.
Моя старушка – свет небесный,
Пушистый котик под рукой...
Все холодней в зиме окрестной,
В душе – потерянный покой.
Я не хочу, чтоб исчезали
Из поля зренья дней моих –
Зимы неброские детали
Из переулков городских.
Среди заснеженных экзотик
Прошу и Сына и Отца,
Чтоб цвел цветок, где мама, котик
Чтоб снега падала пыльца...

Девятый день

Когда найдет коса на камень,
Когда находит смерть на жизнь –
Зажгу в лампадке теплый пламень
И совершу одну из тризн.
Отдамся памятной молитве
И заглушу души оркестр,
Нет проигравших в этой битве,
Где ни одной души окрест.
Я сразу вдруг осиротела
Как вся окрестная земля.
Да, вот такое, мама, дело...
Вдали рдеют тополя.
Уйдите горькие печали,
Вы для людей не напоказ.
И мне здесь рай не обещали
Ни в первый, ни в последний раз.
Перетерплю судьбы уколы,
Жить без тебя научит жизнь.
Ты завещала мне глаголы –
Не плачь, не бойся и не гнись...

Лариса Новосельская,
член Союза российских писателей

1. Внучка из Германии

К нашей родне в станицу Динскую приехала внучка. Любимая, долгожданная, с которой дед и бабка не виделись семь лет. Аннетта уехала из России едва ли не младенцем, а прибыла на побывку девушкой-подростком – пухлогубой и длинноногой.

Ну кто бы мог омрачить картину этой встречи? Конечно, чиновники! За так называемую регистрацию «кровинушки» в родном доме старики выложили чуть ли не целую пенсию! «Да за что же? – недоумевали они. – Ведь ей же не гостиницу предоставили и не на господовольствие поставили...»

Хорошо, что внучка пересчитала сумму на привычные евро и успокоилась. Разбушевавшегося деда, который кричал растерянной бабке: «Не будем регистрировать, и точка! Выпустят же ее от нас, не оставят!» – законопослушное дитя пожалело, но на получении документа настояло: немцы, даже бывшие русские, чтут и дух, и букву закона.

Однако на этом разногласия родственников, менталитет которых за семь лет стал различаться, как земля и небо, не закончились.

– Бабушка, ты почему воду не выключаешь? На Земле мало воды, и запасы ее истощаются! – выговаривала Аннетта озадаченным старикам.

– Дедушка, вы почему кур не заведете? Курицы положат яйца, ты повесишь над ними лампочку 60 ватт, а потом из яиц (с ударением на первом слоге) вылезут цыплята. Их надо растить, и они тоже положат яйца...

– Ой, Аннетта, – пригорюнилась бабка, – да чем же их кормить, кур-то? Корм же дорогой!

Но мысль об упущенной выгоде так овладела девочкой, что в ответ на мой вечерний звонок с вопросом, как поживает на исторической родине наша немочка, дядька сначала досадливо крикнул, потом рассмеялся: «Сидят весь вечер с бабкой на калькуляторе, считают, выгодно или нет курей держать».

В ожидании дорогой гостьи старики обдумали шикарную развлекательную программу: море – благо от Краснодара до Джубги всего сто двадцать километров, карусели, мороженое... Мороженое Аннетта съела, вежливо попросила напиток «Буратино», который помнила как сладкий вкус детства, а от моря отказалась: «Куда мы поедем, если бабушка говорит, что малина созрела и варенье варить надо...».

– У нас есть люди, которые живут на социалке, – рассказывала соседкам и совершенно обалдевшим деду с бабкой Аннетта, ловко перебирая ягоды. – Им государство деньги дает, но это плохие люди, они не хотят работать...

Аннетта давно уехала, а я часто ее вспоминаю. И думаю: как же так случилось, что любимая застойная присказка «мы делаем вид, что работаем, а вы делаете вид, что платите» – легко, как скользкая змейка, переползла из России социалистической в Россию капиталистическую и свила уютное гнездышко в краях отчизны даже работающих, чернотемных и хлебородных?

Каждый день я прохожу мимо булочной, аптеки, салона сотовой связи – и вижу мольбу: «Требуются...». Продавец, водитель, грузчик... Требуются, а люди не идут. По официальной статистике, средняя зарплата в Краснодаре – 25 тысяч; но эти данные, как и по всей стране, – что средняя температура по больнице. Зарплата чиновника прибавляется к зарплатам пекаря, библиотекаря и аптекаря, а потом делится на четыре. Самую длинную очередь жаждущих работы в Краснодаре я наблюдала, когда набирали... продавцов в «ИКЕА». Магазин дешевой, для студентов, мебели казался соискателям вакансий землей обетованной, островом всех тех сокровищ, которые выработало общество потребления. В той очереди топтались и переводчики с французского, и журналисты, и учителя...

Кубанские казаки на Krasnaya street

И мне вспомнились «лихие» 90-е. Иду по центру Москвы и вижу: стоят высоченные красавцы-мужчины за витриной бутика. Поначалу решила, что это манекены. А когда узнала, что «живые», ужаснулась. Неужели таких парней, с умными лицами и пронизательными глазами, Господь создал только для того, чтобы им маячить за стеклом? А как же библейская притча о зарытых талантах, устарела? Видимо, да. Потому что теперь, когда не только в столице, но и в каждом медвежьем углу сияют витринами «Gucci» – «Versace», живым манекеном быть престижнее, чем, например, мастером в заводском цеху. Да и где они, эти цеха...

Еще одно личное воспоминание: едем по Шанхаю мимо сверкающих синими стеклами небоскребов, а гид комментирует: «Офис. Офис. Офис». Подумалось: черт возьми, может, и у нас в Краснодаре не зря сносят старые производства: понастроят офисов, да и заживем припеваючи! Но вот нашу делегацию вывезли за город, а там... Слева по трассе – завод медоборудования, справа – автозавод, дальше – текстильная фабрика, следующая – фабрика шелка... Весь пригород забит производством. Заняты – все! Никто по улицам не болтается, не гуляет до утра, никакой «детский» закон принимать не нужно: в 22 часа все спят сном тружеников и праведников. А ведь китайцы, помнится, начинали перестройку вместе с нами. Стояли на старте ноздря в ноздрю... Теперь у них – экономическое чудо, у нас – все та же пресловутая труба, ставшая костью в горле инициативным, талантливым и предприимчивым людям. И как не ломать голову над очередным русским вопросом: почему вопреки всем прогнозам о всплеске творческой активности и рыночной конкуренции умников и умниц почти никто из молодых не связывает свою жизнь с профессией и призванием?

«Выйти замуж за француза и гулять по Елисейским Полям...» «Займешь двухэтажный дом с кожаной мебелью...» «Поступить в модельное агентство и уехать за границу...» – цитирую по краевому молодежному журналу «Здравствуйте», запустившему в народ анкету «Ваше представление о счастье». Вот простодушный и убогий набор «мечт» юных провинциалов. Гламур – вроде паленой водки, которой так славится российская глубинка. Не всегда убивает, но промывает мозги до зеркального блеска.

– Безобразия! – жаловалась круглолицая, по-кубански пышная и ровная со всех сторон (здесь такую фигуру называют «кабачок») дама. – Только вчера купила «Тимотей», а сегодня уже рекламируют «Шауму!» Никаких денег не напасешься!..

А у одной молодой мамы я поинтересовалась недавно, как она решилась на третьего ребенка при таких скромных доходах.

– Ой, – затаманились розовым флером глаза девчонки, – сейчас троих иметь модно. Кристина Орбакайте – тоже беременная...

Гламур строже, чем экзотическая религия джайнизм, запрещает работать, в том числе и мозговой извилиной. И диктует свои жесткие правила: виртуозно плести небылицы о чудесном отпуске в Испании (это легко – знай рекламу пересказывай), наращивать ногти (в Краснодаре что ни квартал, то нейл-студия), закатывать пышные свадьбы на банковские кредиты, тусоваться в торговле-развлекательных комплексах «Красная площадь» или «Галерея» с карманом, «где и рупь не ночевал», учиться на юристов и бухгалтеров-экономистов, что в переводе с гламурного означает «на других посмотреть и себя в брендированных (а как злобствует молва, «made in Адыгея») одежках показать».

Забавное зрелище представляет по выходным Сенной рынок в центре Краснодара. По торговым рядам планируют не просто покупательницы «синеньких» (баклажанов) и болгарского перца. Покачивая пышными бедрами, снисходительно поглядывая на продавцов, состоящих в основном из «лиц кавказской национальности», барышни одной рукой мнут крупные бока помидоров, а другой бережно прижимают к себе лупоглазых мосек, намекая на свое духовное родство не с труженицей-колхозницей из станицы Варениковской, а с самой королевой потребления – миллиардершей Пэрис Хилтон.

Гламур, сравним его опять же с религией, – это не результат, а процесс. Поэтому его фанаты ничего не прогнозируют даже на год вперед: после выпускного вечера (платье от «Белой лебеди» за 20–50 тысяч рублей) всем подряд, независимо от результатов ЕГЭ, прописано высшее образование.

С одной стороны, вуз – это убежище для тотально невоспитанной молодежи. Пока годы будут тянуться, родители могут расслабиться. А с другой... Пять лет пробегут быстро, и куда приткнутся 190 тысяч студентов, ежегодно грызущих гранит науки в альма-матер, коих развелось на Кубани ни много ни мало – 34 штуки? Молодым специалистам, как мы уже догадались, государство сегодня не только квартиру,

но и стула в конторе не предложит. Значит, вариант один: «Продавец, водитель, грузчик»? Тогда к чему высшее образование?

Но глубоко вдумываться – значит, от соседней отстать... Что ж мы, бомжи какие, не наскребем дочке 100 тысяч в год на коммерческий вуз?

Кирпичный дом, новая «семерка» и краля-Галя в институте – много ли казаку для счастья надо? Кто не верит, пусть придет на улицу Красную, увешанную в предчувствии олимпийского наплыва иностранцев табличками «Krasnaya Street», и полюбуется воскресным парадом кубанского казачьего войска: копыта цокают, гривы струятся, марш гремит, бойцы, знай, усы подкручивают... лепота!

Египетские бедуины, итальянские гондольеры etc отдыхают! Опять же, российскому менталитету уважение: оружием побряцать в наших суровых отчизнах и кошке, согласитесь, приятно.

И все-таки... Жить ведь чем-то надо, хоть местная социальная реклама полна бодрости и оптимизма: «Если есть на свете рай, это Краснодарский край!».

2. Господа не только в Париже

Один мой знакомый, лет десять назад купивший квартиру в Тель-Авиве, сам на ПМЖ никак не решится, но всем советует. Аргумент у него железный: ноги уносить надо, пока не полыхнуло. «Дворяне, которые уехали в Париж до 1917 года, так господами и остались. А кто после 17-го – стали таксистами».

В таком случае, думаю я, половина Кубани – бывшие дворяне, и уж несомненно – господа. Потому что такого количества извозчиков на синих, красных и белых «Жигулях», рыскающих по городам, станицам и даже самым завалыщим хуторам в поисках пассажиров, нет больше нигде в России. «Поедем на таксо!» – то и дело звучат приказы гордых казачек, даже не подозревающих, что они изъясняются литературными цитатами.

На автомобилях – их мойке, ремонте, продаже, техобслуживании и что еще там прилагается к монстрам, которые уже не помещаются на едва ли не единственной приличной в стране автотрассе «Дон», – завязан чуть ли не каждый третий малый и малюсенький бизнес «кубановидов», как сами себя называют пользователи сайта kuban.ru. А чем еще харчеваться?

Директор рекрутингового агентства «Тамань» рассказывает, что в «лихие» 90-е крупный бизнес – и московский, и иностранный – серьезно развивался в регионах. Если «олигархи» занимались, к примеру, стройматериалами, то строили в крае склады и магазины, отлаживали товаропотоки, находили на местах умных людей, привлекая их высокими зарплатами, обучением в Москве и за границей. Молодежь с удовольствием продавалась «в рабство» корпорациям, предчувствуя карьерный рост, возможную покупку акций своей компании, хорошие бонусы...

Потом все это как-то стухло, а кризис и вовсе подмял и надежды, и перспективы. Специалисты с высокой квалификацией, заточенностью под нужный бизнес, «оксфордским» образованием – будто в воздухе растворились. Одни уехали за границу, другие пошли администраторами в Сеть, кто-то попытался организовать свое предприятие взамен московского, некоторые открыли маленькие фирмы.

До 2008 года стремительно развивалась карьера моего земляка, учительского сына, а значит, пожизненного отличника, Кости Сорокина. Степ-бай-степ: менеджер, старший менеджер, топ-менеджер большого холдинга. Стажировки – сначала в Италии, потом в Англии, бонусы, возможность скорого переезда в Москву... И вдруг – лестница пошатнулась, ступенька обломилась. Не успев соскочить с провинциальной орбиты, Костя остался в Краснодаре, что называется, у разбитого корыта – это с его-то международными сертификатами и хорошим английским!

– И тут – как знак свыше! – вспоминает он. – Глубокой ночью по НТВ показывали американский сериал «Клиент всегда мертв», я на него здорово подсел, а потом задумался: а не путь ли мне открылся?

Долго ли, коротко ли он рещался – и организовал в Краснодаре... похоронное бюро. В этой новой и, скажем прямо, не самой обычной профессии его «дорогая» голова задействована от силы процентов на пять...

– А куда деваться? Мне уже сорок лет. Семья, дочка... – словно оправдывается он. – Люди мрут, слава богу, достаточно регулярно, – он даже не шутит. – У меня три неплохих мастера, что по нынешним временам – большая редкость, древесину и фурнитуру везу из Китая, гробы получают красивые, востребованные, на жизнь хватает...

(Продолжение на стр. 7)

КНИЖНЫЙ МИР

Анатолий Маслов

Живая мать
казачества

Из книги «Кубань в старину»

Если прислушаться к походным песням кубанских казаков, то даже в них – суровых и могучих, пропахших порохом и дымом! – мелькает огнеопальной искрой тоска по родному дому, тоска не простая – болючая и нестерпимая! – где разве только песней и можно было выразить свое затаенное желание:

*Ой, пусти мэнь, батько атаманэ,
С кордону до дому.*

В другой песне коротко и выразительно выплеснулось:

*Прощай, прощай, любезная станица.
И вы, предобрые друзья...*

Любезная – значит любимая, единственная, неповторимая.

Не забыли казаки запечатлеть образ станицы и в своих пословицах: «Станица везде снится», «Без куреня и правды нет», «Кому столица, а нам станица», «Небесная Царица бережет станицы».

В сознании казаков, конечно, отпечатался облик родных станиц. И тех, что затерялись в степи, окруженные балками да зарослями терновника. И другие – ухоженные да приглаженные, разместившиеся на главных чумацких трактах или у железных дорог. Третьи, словно ласточкины гнезда, появились на берегу шумной и многоводной Кубани, в предгорье. И какими бы они ни были с виду или по своему историческому происхождению, но все их объединяло великое слово – станица. Для казаков это слово звучало как музыка, как дорогое воспоминание, вобравшее в себя все ступени их жизни: детство, юность, пожилой возраст – и, конечно, сладкое пристанище сердца, к которому тянулись они отовсюду, куда бы ни забросила их воинская служба.

Иногда кажется, что станица для них как гнездо птицы: помните, то самое, которое летом мы не замечали в тесноте листьев, а вот только пришла осень, листья опустились на землю, и от этого гнезда на деревьях вдруг стали далеко-далеко заметны – большие, маленькие, колкие, гладкие – запоминающиеся! Деревья держат их гордо, словно это их главное достояние.

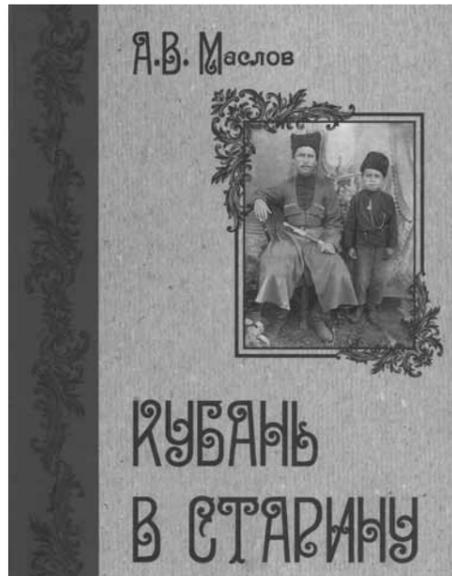
Сегодня, будь то город или станица, говорят о них сухо и невыразительно – административная единица.

И совсем другие чувства испытываешь, когда слышишь, как до революции казаки называли свою станицу – живая мать казачества. Полковник Ф. И. Елисеев отмечал: «От нее исходили все лучи: и казачьего воспитания молодежи, многовекового быта, традиций, хозяйственного благополучия и чести казачьей... Ей, только ей принадлежало право и честь говорить от имени казачества, как матери, давшей жизнь своему дитяти». (Ф. И. Елисеев, «Первые шаги молодого хорунжего», Москва, 2005, стр. 50).

В станице тогда все было устроено так, что ни один человек, проживавший в ней, не был обойден ее вниманием; от мала до велика были у нее на виду, и никого она не бросала на произвол судьбы, никого не обидела, не предала.

Если отец погиб на службе и неожиданно умерла мать, то всех осиротевших детей разбирали родственники. Тут подключая-

лось и станичное общество: на каждого из осиротевших детей выделяли бесплатно полпая земли, который оставался за ними до совершеннолетия. Если среди этих сирот одна девушка не вышла замуж, то выделенные ей земли оставались за нею пожизненно. Вдова казака получала полный пай своего мужа.

В станичной жизни очень распространено было супружество – во время уборки хлеба соединялись несколько хозяев, дабы выручить друг друга в страдную пору. Дворы, где оставались одни женщины, постоянно использовали такую форму взаимопомощи, особенно в годы Первой мировой войны, когда большая часть мужчин находилась на фронте. Супружество в полном смысле помогло тогда выжить многим казачьим семьям.

Помогала людям в те годы и атмосфера доверия друг другу. Писатель Александр Пивень (1872-1962), автор знаменитого сборника рассказов «Торба смеха и мешок хохота», на закате своих лет вспоминал: «Это было такое время, когда обман и бесчестный поступок человека становились известны на другой день по всей станице и карались всеобщим презрением, когда почти не было случаев воровства и выпущенная со двора на толоку лошадь целый день паслась без всякого присмотра».

Эти наблюдения писателя не единичны, уже в наши дни на страницах районной газеты один из казаков рассказывал о временах своего дедушки: «Люди жили весело и дружно, в их обществе царила величайшая честность – один другому ве-

рил на честное и благородное слово. Если кто-то давал в дом другому деньги, хлеб или какую-то вещь, или выполнялась мастером какая-то работа в доме, – давалось слово чести, и никаких расписок, свидетелей. Если человек терял какую-то вещь или кошелек с деньгами, он не волновался, а шел в правление станицы, заявлял дежурному о случившемся, тот заводил его в комнату, куда приносили потерянное... если оно обнаруживалось, дежурный тут же отдавал. Воровства в станице не было, за редким исключением – уводили лошадей. Конокрады были ездовые, в большинстве цыгане» («Сельская газета», 19 июля 1994 г.).

Юртовая (выгодная) земля – место для пастбища и сенокоса вокруг станицы – делилась в равной степени на всех без разбору: генерал ты или простой казак, калека, ветеран – все вытягивали жребий. Процедуру эту проводили через каждые четыре года (в отдельных станицах через два года); делали это специально, чтобы не возникло злобы одного против другого и зависти. К этому списку ежегодно добавлялись фамилии молодых казаков, достигших семнадцатилетия; помимо всего в станице всегда имелись запасные наделы на непредвиденные случаи жизни.

Когда в семье рождались одни девочки, находили возможность проявить внимание к семейным нуждам: если они ходили в школу, то на каждую в некоторых отделах выделяли до совершеннолетия по полпая земли, таким образом поощряя родителей за их желание дать своим детям образование.

Размеры пая, как известно, менялись в связи с ростом населения: в 1881 году в среднем на душу населения он составлял 12 десятин земли, в 1889-м – девять, в 1906-м – семь десятин. Всеми делами в станице ведал станичный сбор казаков.

В данный сбор сроком на один год (его могли продлить) от десяти дворов (хозяйств) избирали по казачьему обычаю двадцати пяти лет. Попадали туда уважаемые в станице мужчины, уже отслужившие четырехлетний срок действительной службы – не только георгиевские кавалеры, офицеры в отставке, старые гвардейцы, прошедшие почетную службу в составе собственного Его Императорского Величества Конвоя, но и рачительные хозяева, славившиеся в округе своими отарами овец, табунами лошадей, большим количеством техники в хозяйстве, ветряными и паровыми мельницами.

Накануне сбора в станичном правлении по дворам отправлялся тыждневный (дежурный) верхом на лошади. Стуча кнутом по

забору, вызывал хозяина дома и оповещал его о дне работы станичного «парламента».

Вопросы, которые там обсуждали, приобретали силу, если за них проголосовало не менее двух третей присутствующих казаков. Решения станичного сбора заносились в Книгу приговоров, хранившуюся в правлении. Выполнение их было обязательным для всех лиц – войскового и не войскового сословия, которые проживали на землях станичного юрта.

На указанный сбор казаки должны были приходиться в казачьей форме. И было что-то символическое в том, что в одном помещении собирались казаки, до этого служившие в разных полках: Кавказском (черная черкеска, белый бешмет), Черноморском (темно-синяя черкеска и красный бешмет), Урупском (темно-зеленая черкеска со стоячим воротничком светло-зеленого бешмета), Лабинском (темно-болотная черкеска и белый бешмет), Царского Конвоя (алого цвета черкеска и белый бешмет).

Поскольку станица являлась боевой единицей Кубанского казачьего войска, разумеется, основным вопросом станичного сбора всегда была воинская служба.

И здесь старались ничего не пропустить. Точно соблюдалась преемственность в воинской службе: если отец служил в Кавказском полку, то и сын его определялся туда же (с намеком: если отец заслужил серебряные галуны на папаху, то почему сын должен отстать от него?). При этом намеренно старались определить в одну сотню юношей не только одной станицы, но и одной улицы. Учитывались интересы семьи – атаман отдела давал только общую цифру мобилизованных, а вот уже конкретное деление, кто куда пойдет: в казаки или в пластуны – учитывал станичный сбор. Если старший сын в большой семье шел в казаки (его снаряжение по тогдашним ценам обходилось недешево – 500 рублей), то остальные его братья уже снаряжались в пластуны (их снаряжение обходилось в 100 рублей). Если отец стар, а у него один сын, то станичный сбор обращался с настоятельной просьбой к атаману отдела освободить парня от строевой службы, так как он являлся единственным кормильцем семьи. Атаман отдела такие просьбы никогда не отклонял.

Учитывалось и личное желание казаков. Если юноша из бедной семьи изъявлял горячее желание служить только в казаках, то станичный сбор, идя навстречу, снаряжал его за свои деньги, или, как тогда говорили, на общественный капитал. После окончания службы он мог постепенно выплачивать свой долг, который могли и уменьшить, что целиком зависело от результатов службы (допустим, он стал полным георгиевским кавалером).

Была еще одна забота станичного сбора: подбор кандидатов на службу в собственном Его Императорского Величества Конвое. Стоять в охране царя и его семьи, в какой-то степени быть причастным к государственным событиям, происходившим в Царском Селе и Петербурге, – было мечтой многих молодых кубанцев. И осуществление этой мечты зависело от решения станичников.

Кубанские казаки на Krasnaya street

(Окончание. Начало на стр. 6)

«На жизнь хватает» и «куда деваться» – это и есть социально-политическое кредо наших современников. Негламурных. Тех, кто понимает, что реали-шоу и реальная жизнь – вещи несовместные; кто согласен на любой заработок – хотя бы загружать ржавыми кастрюлями и негодными аккумуляторами свою старенькую «копейку», трясая по пыльным степным дорогам в поисках металлолома.

Работодатели, уловив дух эпохи, формулируют трудовые договоры примерно так: «А куда вы денетесь?». Счастливицы, которым повезло попасть, скажем, в магазин «ИКЕА», получают только зарплату. Ни бонусов, ни бесплатных путевок, ни дорогих подарков, которыми славятся такие мощные корпорации в Европе, им не положено. «Наших» как бы вывели за скобки, понимая, что «бедным родственникам» выбирать все равно не из чего.

Финансовые планы резко упали. В наши рекрутинговые агентства звонят москвичи, просят найти топ-менеджера, а зарплату сулят – 15 тысяч рублей. С одной стороны, смешно: они думают, что у нас тут не российская, а китайская

провинция? А с другой стороны, я верю, что у них тоже мало денег – они тоже бедные родственники.

Вопрос классика «Кому живется весело, вольготно на Руси?» накрыл и наши времена: веселья или хотя бы покоя нет ни бедным родственникам, ни богатым. Кто оформлял наследство, дарственную или купчую, ставил в квартиру водомер или подключал телефон, легко меня поймет. Государство ведь, по Марксу, – это частная собственность бюрократов. Поэтому естественно, что на защиту своей собственности чиновники стягивают все новые и новые войска. Чтобы противостоять им, нужен настоящий, а не потешный народный фронт. Или... профессиональные наемники.

А что? Заработок неплохой, а работа непыльная. Пронравившиеся мальчики с хорошими манерами и, что на Кубани считается верхом образованности, без «г» фрикативного, состояются в умение зайти в Министерство Волокиты хоть с переднего, хоть с какого другого хода и получить с медоносного лужка свой взятки.

Бюро технической инвентаризации, земельные комитеты, кадастровые комиссии, многофункциональные центры... ох, не хватает дыхания... А тут «крылышками бяк-бяк-бяк» – и преодолен глубокий ров между княжеским замком

и вассалами. Мальчик принес немобильной бабушке, для которой «даже знак параграфа выглядит как орудие пытки», чиновничью справку, что нужна еще справка, он и ее принесет, и полетит за следующей, только денежку платит... Судебная тяжба, очередь в детский сад, перепланировка квартиры, разрешение на снос сарая, ликвидация предприятия, изменение устава... Уж здесь-то фантазия бюрократов безгранична! Последнюю копейку из самого беднейшего гражданина выманят, проглотят, не поперхнувшись, и скажут: «Гони еще!». В какую кубанскую станицу с утра ни заедешь – застрянешь в пробке. Чистой воды МКАД!

– Куда народ едет?

– За справками в сельсовет!

Сельсовет – это, конечно, по-старинному, совковый пережиток, поскольку теперь вся Кубань – сплошное поселение. Идешь по станице, читаешь вывески, и душа радуется: «Поселенческая библиотека», «Поселенческая поликлиника», «Поселенческий архив». Кто-то очень остроумный ввел это чудесное, пахнущее русской историей с ее каторгами, тюрьмами и ссылками слово в качестве административной единицы еще в начале «нулевых». Или кто-то очень прозорливый...

(Продолжение следует)

Во всех отделениях связи продолжается подписка на газету «Кубанский писатель»
Подписной индекс в каталоге Почта России 54713, цена подписки 104 руб. 40 коп.

21 МАРТА - ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Светлана Медведева

Поэзия – свет, убивающий мрак,
Опора в судьбе, если что-то не так.
Энергией слова скрепленный язык
Звучит так волшебно, как светлый родник.
И в тайны поэзии вникнув трудом,
Я русскою речью питаю мой дом.

ДА, ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО!

Словом ранят,
словом лечат,
словом душу теребят,
объясняются
при встрече
и захлеб «ура» трубят.
Мысль словами
одевают –
часто с болью и трудом, –
словом бьют
и убивают,
слово давши, забывают,
с добрым словом
входят в дом.
Словом связывают крепко,
судят в жизни по делам
И словесные отметки
ставят в ходе ссор и драм.
Слово, что орех кедровый.
Слово к слову –
есть словарь.
Да, вначале было Слово,
а потом слова, слова...

Анатолий Тихоненко

ДАВАЙ ЗАДЕРЖИМСЯ

Давай задержимся на этом берегу,
Хоть там, напротив, тишь и благодать.
Я каждый атом жизни берегу,
Во грех мне даже беды забывать.

Давай задержимся... Да ладно,
что штормит!
Да ладно, что готовит нам природа!
Да ладно – родич обобрать спешит
И ждет минуты нашего ухода.

Давай задержимся... Ведь есть еще
друзья,
Что не смогли предать, иль не успели.
Есть же еще, кому не нужен я
Для достижений их корыстной цели.

Давай задержимся... Да стоит ли спешить?
Там – вечность... Но какая эта вечность?
Зайди, сосед. Хочу тебе налить
И выпить за сберегших человечность.

Давай задержимся... Решили мы не все,
Земных загадок всех не разгадали.
Сомнений воз с собой что ль увезем
К тем берегам, к такой туманной дали?

Да, мы любили. Чтобы воспарить,
Любимых чувства нам давали крылья.
Давай задержимся... Ведь так охота жить!
И о любви мы все ль договорили?

Давай задержимся!..

Олег Никулин

Дождь как музыка льется –
Это весна!
Лист в пеленках проснется –
Это весна!
Зорька в розах займется –
Это весна!
Сердце вдруг встрепенется –
Это весна!

ГРАЧИ

Грачи весною прилетели.
Кружились в небе

И галдели,
Совсем, как местные Емели.
Как только
Солнце появилось,
Они тотчас угомонились.
Пришла пора
Среди кустов
Грачам высиживать птенцов.

Иван Кротов

Натали, пятнадцать раз,
Натали,
Как молитву повторю –
Натали!
Заклинаю прошепчу:
Натали!
Как в горячке позову:
Натали...
Если б знала только ты,
Натали,
Как мне пусто без тебя,
Натали!
Ничего не говори,
Натали,
Все на свете позабудь,
Натали,
Приходи же, приходи –
Натали!
В мире только я и ты,
Натали!
Только я и только ты –
Натали...

Виталий Серков

ЧУДЕСА (пародия)

С полей повеет новою весной,
И старый друг созовется со мной,
И съедутся на улице мою,
Все, с кем нектар духовности я пью.
Услышав нас, в наш добрый уголок
Заедут Пушкин, Лермонтов и Блок,

Ахматова зайдет на огонек,
И **Пастернак** примчится на денек.
А там, глядишь, дорогою отцов
Подъедут и **Есенин**, и **Рубцов**,
И **Клюев**, пыль взбивая посошком,
Из **Заонежья** явится пешком.

А. Пошехонов.
Пора. Вологда.
2011.

То явь была, иль чудный сон приснился:
Со мною Пошехонов сочинился,
Позвал: «Подъездь на улицу мою,
Здесь нынче все, с кем я духовность пью».

Его деревня с виду лишь пустыня,
Но ежели туману напустить,
Узреть нетрудно: Блок стоит у тына
И шепчет: «Надо Белого простить...»

А там, где храм полвека ждет ремонта,
Под гул веков мелькает тень Лермонта;
Где сорок лет кинчик катил кино,
Читает тень гостям «Бородино».

Не чудеса ль — на розовом коне
Есенин скачет мимо бань ко мне,
И следом же, под звоны бубенцов,
Духовности испить летит Рубцов?!

Еще не то бывает гулкой ранью...
Не пить же, в самом деле, с местной рванью
Духовности стекающий нектар,
Тем самым понижая божий дар?

И, зная это, словно бы варнака,
Ахматова приводит Пастернака –
Мол, поучись-ка русскому питью,
Да с Клюевым поешь за всех кутью.

Дивился я и ждал: напосошок
И мне плеснет духовности дружок.
Но Пушкин подал кружку грамм на триста,
Сказав: «У няни взял для пародиста...»

ПРОБА ПЕРА

Телевизор выключен. Выключен свет. Нет никого. Тишина. Хотя обычно здесь и мама, и папа, и бабушка. Болтают, щелкают семечки на диване или в праздники накрывают богатый стол, пробкой от шампанского тревожат тяжелую люстру, боятся наступить на хвост кота. Сейчас непривычно тихо, мрачно и доносятся чьи-то всхлипывания.

«Странно, – думаю я, – обычно если дома кто-то плачет, то только я. Я же здесь единственный маленький ребенок».

Захожу тихонько в комнату, а там в кресле мама.
– Мамочка, почему ты плачешь? Почему плачешь, мамочка? – бросаюсь к ней на ручки, а самой как-то тревожно, даже страшно. Мама еще никогда не плакала. – Мамочка, ну что же ты молчишь, ну не плачь, пожалуйста.

Хочется как-то ее успокоить, обнимаю, вытираю рукой ее мокрое от слез лицо, и уже мои слезы катятся сами собой. Моя это мамочка, родная, и плачет. Оказалось, они с папой поругались. Когда успели? А повод где взяли? Еще недолго всхлипывали с мамой, потом упокоились.

А папа мой? Может, тоже плакал? И никто его не обнял? Не пожалел?

Родители не разговаривали, и уж тем более перестали улыбаться друг другу. И мне. Мрачно было не только в той комнате, но и во всем доме. Когда звонил телефон, никто не торопился брать трубку. Ведь сказать простое «это тебя» – уже значит заговорить. Мы даже в гости сходили с мамой вдвоем. Без папы. И уходя снова промолчали. Не попрощались.

А потом все вдруг снова стало хорошо. И я опять не в курсе, как и почему. Мама приготовила вкусный борщ, папа вовсю болтал. Болтал и телевизор. Аромат борща выманил из комнаты бабушку. Она тоже радовалась примирению и

Жанна Фатанянц

ВЗРОСЛЫЕ

мягко ругала папу, своего сына: «Вот лохамындрик, ты мою Светочку не обижай!»

Странные эти взрослые. Если все, как прежде, счастливы, зачем же было плакать?

«Запоняла...»

Я, мама и папа пошли на рынок. За картошкой ли, морковкой, сметаной – не знаю, это их заботы. Я пошла с ними за компанию. Да и лучше топтать по улице, перелетать через лужи, когда родители держат за руки, чем сидеть с бабушкой «в четырех стенах». (В свои пять лет я была уверена, что стен в доме больше, чем четыре, но со взрослыми не спорила.) Родители выбирали мясо, а мама все спрашивала: «Оно свежее?» Тогда я еще не знала, что продавщица может сказать неправду.

На рынке мне было неинтересно. Пока я не заметила заколки для волос, что продавались дальше по ряду. «Мам, я туда схожу?» – «Смотри, далеко не уходи. И возвращайся сразу же, пока мы стоим здесь». Я шла к заколкам

и все время оглядывалась на родителей: стоят ли еще там? Продавались резиночки разноцветные, маленькие зажимы с блестками, заколки и шпильки, которых я очень боялась. Я была уверена, что шпильки проткнут мне голову. Я увлеклась большим выбором разноцветных штучек, разглядывала, что-то трогала. «А может мама мне это купит?» – подумала и оглянулась в сторону мясного ряда. А родителей там не было.

Пошла, проверила. Может у соседних прилавков? Нет. Может в другом ряду? Нет. Да где же они? Я в слезы. Плачу и ничего перед собой не вижу. Все плывет. Вокруг еще ходят всякие большие люди, из них никто мне не папа и не мама. Решила идти домой. Хоть родители исчезли, домой рано или поздно они вернутся. Но все равно рыдаю. Первый раз иду по улице одна. Мимо частных домов, мимо многоэтажек. Из подъезда вышла женщина в длинном кожаном пальто. «Тетенька, – всхлипывая, обратилась я, – а вы не знаете, где мои мама и папа? Я их потеряла». Женщине было меня жаль, я понимала это по ее глазам. «Нет, деточка, не знаю, но ты не плачь!» И я, ничего ей не ответив, пошла дальше. Плакала до самой калитки во двор. Там меня встретила бабушка и удивилась, а что это я одна. А где мама и папа? А как это я сама дошла до дома?

Родители вернулись в панике, но без слез. А могли бы и поплакать, ведь ребенка потеряли. Весь оставшийся день взрослые говорили мне, чтоб я больше никогда от них не отходила ни на шаг. Да я и сама не хотела. И когда за ужином с пюре и селедкой папа снова сказал: «Ну, теперь ты поняла, что одной куда нельзя уходить?», я вздохнула и ответила: «Да поняла-поняла, запоняла уже...»

г. Краснодар

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ №Фс14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России.

Издатель: ИП «Кириллица»

ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350065

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

www.sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной

научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ №1575

Подписано в печать

в 10.00, 21.03.2012 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Цена свободная